

А.А. Свечин

КЛАУЗЕВИЦ

Гений
военного искусства

• НАУКА ПОБЕЖДАТЬ •

Александр Андреевич Свечин
Клаузевиц. Гений
военного искусства
Серия «Наука побеждать (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7648426

*Клаузевиц. Гений военного искусства: Журнально-газетное
объединение;*

ISBN 978-5-4484-7794-2

Аннотация

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780—1831) – великий прусский военный теоретик и историк, автор фундаментального труда «О войне». Благодаря этой книге политики, историки и военные специалисты упоминают Клаузевица в числе самых выдающихся военных мыслителей Европы. Одна из причин такого широкого признания, которое получил незаконченный труд Клаузевица, заключается в его общеполитическом характере. Знакомство с ним очень важно для военного специалиста и для каждого интересующегося вопросами войны.

В настоящем издании представлена книга, посвященная жизни и трудам Клаузевица. Автором ее является Александр Андреевич Свечин (1878—1938) – русский и советский военачальник, военный теоретик и публицист. Несмотря на то что в отдельных оценках исторических процессов и личностей книга Свечина

устарела, однако в главном – в исследовании жизни и глубоком анализе трудов гениального немецкого мыслителя – работа Свечина может быть названа одной из лучших в своем роде.

В приложении представлена первая часть книги Клаузевица «О войне».

Содержание

Шарнхорст	5
Ученичество	28
Роман стратега	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Андреевич Свечин Клаузевиц. Гений военного искусства

Шарнхорст

Клаузевиц, великий военный теоретик, считал «отцом своего разума» Шарнхорста, являвшегося не только его учителем, но и вождем политического движения, к которому примкнул Клаузевиц. Шарнхорст был крупнейшим немецким военным реформатором эпохи национально-освободительных войн в Западной Европе, борцом против пережитков феодализма в армии и создателем всеобщей воинской повинности; он заложил те организационные основы, на которых базировались победы прусской армии в XIX веке.

Шарнхорст родился в 1755 году в ганноверской крестьянской семье. Отец его – бедняк, солдат, дослужившийся до унтер-офицера, вышедший в отставку и заставивший выскочку-кулака выдать за себя дочь. Отцу приходилось зарабатывать тяжелый хлеб арендатора и вести бесконечный процесс о наследстве жены.

Шарнхорсту хотелось идти по стопам отца и попытаться счастья в военной карьере. Жизненным козырем Шарнхорста могло быть только образование. Он самоучкой изучил математику и французский язык и восемнадцатилетним юношей поступил на четыре года в небольшую, но хорошую артиллерийскую школу, основанную мелким немецким князем Шаумбург-Липпе-Бюксбургом. Здесь он получил солидную техническую подготовку и прикоснулся к материалистической философии французских энциклопедистов.

После окончания школы, двадцати трех лет, Шарнхорст поступил прапорщиком в ганноверскую армию. В то время офицерская карьера обычно начиналась в 12—15 лет, и сверстники Шарнхорста уже сильно подвинулись в чинах. Но Шарнхорст располагал всеми преимуществами хорошо образованного человека, представителя молодой, поднимающейся немецкой буржуазии. Как раз в год его приема в ганноверской армии прогремел любопытный случай: один из дворянчиков-офицеров, за неграмотностью, не мог написать прошения об отставке и был вынужден обратиться к помощи деревенского учителя. Однако в армии уже проявлялась тяга к образованию.

Молодой Шарнхорст был поставлен во главе полковой школы, где кадеты, прапорщики и более старые офицеры, не получившие никакого образования, должны были изучать математику, черчение, артиллерию, фортификацию, историю и географию. В 1782 году в Ганновере была основана

артиллерийская школа; Шарнхорст преподавал в этой школе. Одновременно он начал издавать журнал «Военная библиотека». В двадцать восемь лет Шарнхорст достиг чина поручика, в тридцать семь лет – капитана.

Такое медленное продвижение по службе образованного офицера, сильного в технике и очень скоро обратившего на себя внимание всей Германии своими статьями и учебниками, объясняется особенной силой пережитков феодализма в Ганновере. Ганноверские курфюрсты уже столетие как стали английскими королями, жили в Лондоне и не показывались в своих родовых владениях. Но в Ганновере остался их дворец со всем придворным штатом. Гофмаршалы, гофмейстеры, фрейлины, придворные лакеи, конюхи и поставщики двора продолжали существовать по-прежнему. Давались придворные балы и обеды, с пустым местом для короля, около которого феодалы рассаживались по старшинству, по рангу.

Отец Шарнхорста, выиграв процесс, стал владельцем небольшого «дворянского» имения, то есть имения, дававшего своему владельцу значительные политические права. Будучи офицером и став сыном помещика, Шарнхорст мог бы легко сам получить дворянство, как становились до него дворянами тысячи других. Но такое решение задевало гордость Шарнхорста. Он прочел «Общественный договор» Жан-Жака Руссо и не хотел для себя привилегий, он жаждал общего уничтожения привилегий. Он принадлежал к поко-

лению, сознание которого формировалось в течение двух десятилетий, предшествовавших началу Великой революции.

Дядя Шарнхорста поставлял на придворную кухню рыбу. Молодой офицер не забывал, что этот простой человек помогал ему в годы, когда он бедствовал, – и продолжал ходить в гости к своему дяде. К Шарнхорсту приезжали его мать-крестьянка и сестра, бывшая замужем за арендатором мельницы. Он сам женился не на дворянке, а на дочери конторского писца.

Шарнхорст был несколько медлительным в своих движениях, внешне холодным человеком, неважным оратором, часто повторявшим одни и те же слова, очень вдумчивым и точным, но лишенным стилистического блеска писателем. Молчаливый, серьезный, настойчивый, прежде всего учитывавший уровень своей аудитории и соответственно снижавший свое изложение, Шарнхорст не представлял собой сразу бросающуюся в глаза фигуру. Лишь упорным трудом продвигался он к своей цели – расширить круг действий и отстоять, в борьбе с феодалами, свой идеал всесословной армии.

Критическое настроение по отношению к существующему строю и окружающей среде не могло не нарастать у Шарнхорста. В его письмах встречается горестное замечание, которое любил потом повторять Анатолий Франс: «Богословы и солдаты, чтобы отвечать предъявляемым им требованиям, должны быть недалекими». Это пишет человек, фанатически преданный военному образованию.

Поручик Шарнхорст, семейный, получал небольшое жалование – 34 рейхсталера и 11 пфеннигов в месяц (около 25 золотых рублей). Некоторое подспорье голодному бюджету доставляла литературная работа. Но свой журнал Шарнхорст издавал не столько для прибыли, сколько для того, чтобы дать исход жажде деятельности и тяготению к широким военным вопросам.

Особенную известность Шарнхорст получил как реформатор артиллерии. Во второй половине XVIII века в артиллерии еще господствовали малограмотность и цеховщина. Шарнхорст подошел к артиллерийским вопросам с широким размахом. «Только в богословской науке больше предрасудков, чем в науке об артиллерии». Генералы обыкновенно довольны своей артиллерией, так как не понимают, какие требования ей можно предъявить. Между прочим, Шарнхорст первый организовал научно поставленные ружейные стрельбы. Шарнхорста Энгельс называл первым артиллеристом своего времени. О ценности Шарнхорста как специалиста можно судить по тому, что его двухтомной «Справочник артиллериста», изданный в 1801 году, через 40 лет был переведен на французский и русский языки. Немногие технические пособия могут похвастаться таким долголетием.

Настал 1792 год. Шарнхорст в своем журнале тщетно предостерегал коалицию от недооценки сил Французской революции. Ему пришлось принять участие в войне, но не на стороне революции, стремления коей были близки его серд-

цу, а в противоположном лагере, в ганноверской армии, среди наемников Англии.

Без каких-либо надежд и воодушевления пошел на эту войну Шарнхорст. Настроение его не было воинственным. «Нелегко смотреть беспартийным взором на эту войну и тем не менее точно и слепо следовать по дороге чести. Но воистину не дальше того, что требуется предрассудками нашего времени!» «Мы деремся за аристократов, которые нас тянут назад». «Скорее бы дал Бог мир. Я не рожден быть солдатом. Я легко переношу опасность, но вид безвинных людей, лежащих в крови у моих ног, пожар селений, которые люди строили для счастливой жизни, прочие жестокости и опустошения приводят меня в ярость и невыносимое состояние».

Шарнхорст не терял времени и продолжал на войне свою литературную работу. Он писал книгу, за которую рассчитывал получить сто талеров гонорара. Первые его письма домой полны просьб о высылке различных источников для работы. Вместе с тем на самом театре военных действий он не упускал случая зарисовывать крепости и производить съемку новых и старых полей сражения. Насколько Шарнхорст разбирался в новых сложных вопросах тактики, свидетельствуют сделанные им в то время записи: «Современная война с Францией могущественно поколеблет некоторые вопросы принятой теперь тактической системы»; «французские стрелки выиграли большинство боев этой войны»; «ни штыковые атаки, ни залповый огонь не будут иметь успеха про-

тив стрелковых цепей».

Ощущения и взгляды Шарнхорста на театре войны менялись. Чем ближе подходил прусский король к миру с Францией, тем воинственнее становился Шарнхорст. Боевая жизнь брала свое. «Мне стыдно признаться, – заявляет он вдруг в письме к жене, – я нахожу удовольствие в этом постыдном занятии...» Начальство еще не изменило своего отношения к Шарнхорсту: «Генерал Трев (начальник артиллерии) не благоволит ко мне. Он не может забыть, что я не гну перед ним по-рабски спину и говорю как свободный человек».

Однако популярность Шарнхорста в рядах армии с каждым боем увеличивалась, особенно во время начавшегося отступления англо-ганноверской армии. После поражения у Хондшоте он самовольно появился в арьергарде армии и по своей инициативе стал распоряжаться спасением отступающих войск. Его понимание карты и местности, обширные технические знания, умение сообразовываться с новейшими тактическими требованиями стали известны высшему командованию.

Особенную популярность он приобрел после осады Менэна. Две тысячи немцев были осаждены в слабой крепости Менэн двадцатитысячным французским корпусом генерала Моро. Шарнхорст в должности начальника штаба генерала Гаммерштейна руководил обороной Менэна. Когда все средства защиты крепости были исчерпаны, Шарнхорст предло-

жил, вместо капитуляции, сделать попытку пробиться. Прорыв осажденного гарнизона, путем ночной атаки, удался. Благодарности от английского короля за это исключительное дело Шарнхорст, впрочем, не получил.

С Шарнхорстом давно уже начали советоваться в трудных случаях. В 1794 году, когда положение на театре войны изменилось к худшему, он был назначен генерал-квартирмейстером ганноверского контингента. Шарнхорст сразу же отказался от разброски войск кордоном и провел весьма важное мероприятие. До него контингент состоял из отдельных полков и батарей; в каждом отдельном случае из этих частей импровизировались отряды, с временным командованием во главе. Шарнхорст, с его сильнейшей тягой к организации, упразднил эту импровизацию и заменил ее постоянным делением войск на бригады из трех родов войск, с постоянным командованием и штабом. Для немцев это было крупнейшим новшеством. Под давлением общественного мнения пришлось пойти на производство Шарнхорста в майоры; впрочем, новоиспеченному майору сохранялось прежнее капитанское жалованье.

Ганноверские войска, вместе с прусскими, прекратили свое участие в войне против Франции с конца 1794 года, но еще долго стояли на демаркационной линии, отделявшей Северную Германию от театра продолжавшейся войны. Демобилизация последовала только в 1797 году. Шарнхорст немедленно вновь приступил к изданию своего во-

енного журнала уже под третьим названием. В первом же номере воскресшего журнала Шарнхорст напечатал замечательную статью: «Развитие общих причин счастья французов в революционных войнах». Казалось бы, такая животрепещущая тема должна была привлечь внимание военных писателей и не сходить со страниц журналов того времени. В действительности же эта статья явилась единственной серьезной работой за десятилетие.

Статья Шарнхорста начинается с замечания: «Причины несчастий, обрушившихся на армии коалиции во французских революционных войнах, заложены глубоко во внутренних условиях союзных государств, с одной стороны, и французской нации – с другой». Здесь уже в зародыше высказано изречение Клаузевица, что война представляет продолжение политики другими средствами и, в частности, что изменения войны в данную эпоху возникли из новой политики, вышедшей из недр Французской революции и охватившей все отношения в Европе.

Необходимость и национальная гордость, – пишет Шарнхорст, – сделали неизбежным для французов полное напряжение сил. Армия полностью могла опереться на гражданские власти и население. Только этим путем удалось получить порох, привести в порядок крепости, организовать транспорт. Если у государства не хватало средств, то налично имелась достаточная решимость выжать их у богатых людей. Союзники же в вопросах войны постоянно проявляли

колебания. Они боялись обратиться к собственному населению с требованием рекрутов. Крепости их оставались в печальном виде. Ни духовенство, ни дворяне, ни богатые не принесли никаких жертв для армии. Обветшавшие политические формы феодальной монархии мешали ведению войны.

Известнейшие немецкие философы Кант и Фихте, основываясь на опыте революционных войн, приходили в то время к выводу о бесполезности постоянных армий: ведь victorious над союзниками революционные армии представляли собой по существу только милицию. Это мнение поддерживалось и крупным военным авторитетом того времени Беренхорстом, который соединил в себе глубокую ученость, необычайно сильный и красочный стиль и озлобление против Фридриха II и прусской армии с ее презрительным, бесчеловечным отношением к солдату. Шарнхорст оспаривает огульное осуждение постоянных армий, но он призывает отказаться от обращения их в инструмент для парада и приступить к подлинной их боевой подготовке, к обучению сражаться в соответствии с новыми требованиями тактики, в тесном взаимодействии между родами войск.

Материалистическая философия XVIII века не понимала диалектики исторического развития, перерастания одних исторических форм в другие и представляла их себе как застывшие. Метафизический материализм останавливался в бессилии перед вопросами развития в природе и в истории.

Метафизика, неспособная понять и объяснить живую жизнь, сложную и пеструю цепь конкретных явлений, уклонялась в общие неподвижные схемы и выливалась в сухие, отвлеченные рассуждения. В военном отношении для этой метафизики XVIII века характерно отсутствие изучения развития военного искусства во всей его многосторонней конкретности, оторванность от политики, полное игнорирование вопроса о моральных силах, исключительное сосредоточение внимания на геометрической стороне вопроса – о направлении армий на театре войны и построении войск в бою – и признание вечных принципов военного искусства.

Годилась ли мудрость, извлеченная из изучения походов Фридриха II, для оценки войн и военного искусства Французской революции и Наполеона? Очевидно, нет, так как условия радикально изменились. На место незаинтересованного в достижении целей войны и склонного к дезертирству вербованного солдата буржуазная революция, разрушив феодальные отношения, выдвинула нового бойца-гражданина, охваченного «патриотическими» чувствами, способного в бою развернуть все свои природные качества, одиночную выучку и сметку. Еще в середине XVIII века войска довольствовались провиантом исключительно из магазинов (т.е. складов. – *Примеч. ред.*), подвозом с тыла, и эта линия подвоза являлась очень чувствительным местом; теперь армии начали жить местными средствами и приобрели способность совершать далекие походы и широкие маневры. Если

раньше для крупных столкновений обязательно требовалась равнина, то теперь сражения стали даваться на любой местности – на высоких горах, в лесах, болотах. Все основы ведения войны и боя радикально изменились.

У Шарнхорста открылись глаза на исторический процесс развития. Он уяснил себе, что нельзя смешивать опыт двух разных эпох, что надо провести резкую грань между принципами, господствовавшими в Семилетнюю войну, и методами, выдвинувшимися в военном искусстве в период войн Французской революции, что необходимо пропитать историческим методом изучение всех вопросов войны, что понимание военного искусства сильно оскудело бы, если бы замкнулось только на опыте последних войн. Надо понять процесс развития, а для этого следует изучить опыт и предшествовавшей эпохи; только знакомство с ней позволит познать все своеобразие современного периода. Исторический факт должен изучаться во всей его конкретности: нельзя ограничиваться геометрической стороной ведения войны, которой часто вовсе не принадлежит решающее значение. Отсюда у Шарнхорста наблюдается неизвестное XVIII веку стремление переносить любой вопрос на почву истории.

Явная невозможность победить революционную Францию, сохраняя старый порядок и старую армию – сколок со старого порядка, – заставляла открывать взаимозависимость между явлениями, которые раньше, казалось, не имели ничего общего. В революционную эпоху Шарнхорст наравне со

своими выдающимися современниками – Шеллингом, Фихте, Гегелем – становился на путь диалектики в ее идеалистической форме. «В период цветения повсюду распускаются розы, а в соседних садах плоды падают с дерева в одно и то же время», – говорил Гете.

Но это не была еще диалектика материализма – «самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии» (*Ленин*. Т. XVIII. С. 10), наиболее полно и всесторонне отображающее скачкообразный и противоречивый характер процессов изменения в природе и обществе. Это не была еще даже идеалистическая диалектика Гегеля, рассматривавшая весь естественный, исторический и духовный мир в его непрерывном движении и преобразовании, пытаясь раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и преобразования. У Шарнхорста зачатки диалектического идеализма еще не выявились полностью и уживались рядом со многими взглядами метафизического материализма XVIII века, в которых Шарнхорст был воспитан и вырос.

Однако было бы ошибочно в материализме Шарнхорста видеть только шелуху, из которой вылупилось его историческое и диалектическое сознание, только пережиток, придававший его выступлениям в эпоху расцвета идеализма некоторую старомодность. Установленная им благодаря опыту Французской революции связь военных успехов с внутренним политическим состоянием государства, изложенная затем в изречении Клаузевица – война есть продолжение поли-

тики, — приводила Шарнхорста к радикальным выводам; его умственный взор направлялся к истокам — от войны к политике; если корень побед на войне заключается во внутренних политических условиях, то на них-то и надо сосредоточить все усилия. Надо создать политические предпосылки к всеобщей армии, надо ввести общую воинскую повинность, а для всего этого нужно прежде всего побороть феодализм.

Военное искусство в представлении изучившего военную технику Шарнхорста трактовалось очень широко и охватывало не только стратегию и тактику, но и военную технику, а также и все политические вопросы построения боеспособной армии. Широкий размах его деятельности в конечный период жизни как фактического военного министра Пруссии содействовал углублению основного диалектического положения о войне. Военщина впоследствии повернула эту формулу на 180 градусов и значительно выхолостила ее содержание, видя в ней лишь политические директивы для стратегии, которая осуществляет их самостоятельно. Политика стала толковаться только как внешняя политика, не затрагивающая якобы классовых отношений внутри страны. Все это сводило на нет революционное значение нового учения. Армия, которую Шарнхорст понимал в динамике как продукт политической борьбы, представляла у реакционных идеалистов неизменную по качеству и лишь колеблющуюся по количеству силу. Шарнхорст безусловно верно был оценен реакцией, сосредоточившей против него все свои усилия.

На первых порах острие критики Шарнхорста направилось против феодальных пережитков в армии. Офицеры знали караульную, но не полевую службу. Старые генералы смотрели с презрением на «ученых» офицеров. Но в войне с Францией ученые офицеры оказались в несравненно более выигрышном положении, чем их беспомощные, вследствие своей темноты, товарищи. По мнению Шарнхорста, армия, в которой не ведется жестокая борьба за образование офицеров, успеха иметь не будет. Хорошей и надежной может быть только та армия, в которой процветает военно-научная литература.

Отсюда вывод, к которому Шарнхорст многократно возвращался в течение своей деятельности: нужно бороться с протекционизмом. Производство в офицеры должно иметь непременно условием сдачу экзаменов по твердо установленной программе. Ведь часовщик или ювелир не становится мастером, пока не выполнит свою пробную работу. Проверка знаний должна явиться барьером, препятствующим засорению командного состава дворянскими недорослями.

Только широкий доступ буржуазии на офицерские должности позволит поднять уровень командного состава на необходимую высоту. Особенное внимание надо уделять очистке штабов. На смену аристократическим бездельникам штабы должны быть пополнены отборными опытными офицерами Генерального штаба, получившими специальную подготовку, умеющими производить съемку и пре-

красно понимающими карту. Генеральный штаб должен целиком посвятить себя военному делу и не имеет права заниматься чем-либо, не имеющим к нему прямого отношения. Офицеры Генерального штаба не должны отрываться от войск: служба в штабах должна правильно чередоваться с серьезным стажем в строевых частях. Штабы должны быть постоянным органом и работать уже в мирное время.

После демобилизации ганноверской армии Шарнхорст представил проект военной реформы. Ганноверскую армию необходимо перестроить по-новому, подвести под нее базу воинской повинности и значительно усилить; иначе Ганновер станет первой жертвой французского завоевания. Шарнхорсту удалось мобилизовать значительные силы на поддержку реформы. Но в конечном счете реакционные феодалы взяли верх. Реформа была провалена. Это определило дальнейшую судьбу Шарнхорста. В служебном отношении работа в Ганновере доставляла ему только неприятности. Для его кипучей реформаторской деятельности эта обреченная государственность представляла неподходящие условия. Шарнхорста уже давно пыталась переманить на свою службу Дания. Он отказался. Теперь следовали настойчивые предложения со стороны Пруссии.

Прусская армия, равно как и русская, в XVIII веке держалась выгодного принципа сманивать у соседей способных офицеров. Квартирмейстерская часть имела задачей наблюдать за соседями и доносить королю о подходящих вы-

дающихся офицерах. В 1797 году генерал-квартирмейстер Пфуль, имевший случай работать рядом с Шарнхорстом, доносил, что если бы удалось сманить Шарнхорста, это было бы ценнейшей находкой для прусской армии. Прусский король ознакомился с несколькими статьями Шарнхорста и присоединился к мнению Пфуля. Начались переговоры. Шарнхорст выставил ряд требований, свидетельствовавших, что он знал себе цену. Эти требования были удовлетворены, и в мае 1801 года Шарнхорст покинул застойный Ганновер и перешел на прусскую службу. Через два года Ганновер был без боя занят французскими войсками, и ганноверская армия перестала существовать.

Сорокашестилетний Шарнхорст чувствовал себя на первых порах в прусской армии новичком и иностранцем. Но последнее решающего значения не имело. Прусская армия привыкла к иностранным офицерам. Сотни французских офицеров-гугенотов, бежавших из Франции после отмены Нантского эдикта о веротерпимости, стали в ее ряды еще в конце XVII столетия. Теперь к ним присоединилась волна французских эмигрантов. В прусской армии в войну 1806 года было около тысячи офицеров французского происхождения, что составляло не менее пятнадцати процентов.

Особенно много лиц непрусского происхождения было между крупными военными деятелями, так как прусское юнкерство (дворяне-землевладельцы. — *Примеч. ред.*) было недостаточно грамотно, чтобы выступать в ответственных

ролях.

Шарнхорст начал с того, что представил королю три ценных записки с широкой программой реформы армии. Король направил эти предложения на отзыв к герцогу Брауншвейгскому, назначенному в случае войны на должность прусского главнокомандующего. Это был неглупый человек, в молодости отличившийся в Семилетнюю войну, но в корне испорченный долгой придворной жизнью; он стремился угодить каждому. Его заключение гласило, что «с одной стороны, нельзя не сознаться, но с другой стороны, нельзя не признаться». Хорошо, но сомнительно.

Реформа была провалена. Фактически реформа прусской армии в этот момент была невозможна. Путь вперед для нее был загорожен авторитетом Фридриха II. Всякая реформа являлась бы посягательством на освященные победами традиции Фридриха. Требовалось нанести Пруссии жестокий удар, чтобы вывести ее из окостенения, вызванного преклонением перед прошлыми успехами. Когда 90 процентов прусских войск было уже уничтожено под Иеной, отдельные предложения Шарнхорста начали осуществляться в спешном порядке.

Шарнхорст, в сущности, и не ожидал, что его предложения будут приняты. Он понимал, что проведение реформы требует упорной борьбы. Чтобы завершить борьбу успехом, нужны люди. Сейчас дело не в том, чтобы писать проекты, а в том, чтобы подготовить кадры, которые могли бы понять

идеи реформы и вступить за них в бой. Эти кадры могли быть созданы ускоренным образом путем пропаганды и более медленно – через высшую военную школу. Шарнхорст начал по обоим путям готовить себе единомышленников. Немедленно по прибытии в Берлин он организовал кружок из девяти человек, решивших раз в неделю собираться для обсуждения военно-научных вопросов. Шарнхорст привлек и старого генерала Рюхеля, который всегда гнался за модой; это был генерал без старых предрассудков, но и без подлинной любви к новому; он был нужен Шарнхорсту, чтобы благонадежность кружка не вызывала сомнений.

В 1803 году кружок вырос до 120 офицеров и оформился в Военно-научное общество. В 1805 году число членов кружка в Берлине достигло уже 200, и стали открываться отделения в провинции. Общество издавало свои «Известия», в которых печатались рецензии – первые литературные работы Клаузевица. Основная идея работы общества заключалась в том, чтобы обратить внимание на различие принципов, которые вдохновляли действия в Семилетнюю и в революционные войны, постараться устранить механическое смешивание старых и новых начал и вместо господствовавшего разнobia мнений подойти к единой военной доктрине.

В самом обществе кипела борьба нового со старым. Имелись поклонники Наполеона и защитники идей бескровной войны, основанной на маневрировании. Французская революционная тактика одними оценивалась очень высоко,

другие считали ее не стоящей внимания. Одни доказывали невозможность дальнейшего прогресса в военном искусстве, достигшем совершенства при Фридрихе II, другие утверждали, что только «развитие» дает ключ к правильным оценкам: «Армия Фридриха удержала Силезию только потому, что в своем развитии она в середине XVIII века обогнала другие армии». Одни (Бойен) являлись горячими защитниками боя в стрелковых цепях, другие были против. Были и программные доклады будущих сторонников реформы: о разделении армии на дивизии, об общей воинской повинности, о перевооружении армии заряжающимися с казны ружьями, о необходимости иначе подходить к вопросу о крепостях, которые оказывают ничтожное сопротивление вследствие негодности комендантов, плохих гарнизонов и незаинтересованности населения в обороне крепости.

В 1806 году, вместе с разгромом прусской армии, погибло и Военно-научное общество. Единственным результатом его деятельности было известное расслоение прусского офицерства: Шарнхорст приобрел здесь ряд горячих единомышленников, которые затем стали его сподвижниками по военной реформе; но общество кристаллизовало и противоположную группу – врагов реформы – Кнезебека, Борштеля, Лестока и других. Интриги и козни против Шарнхорста ведут свои корни отсюда.

Другой точкой приложения энергии Шарнхорста явилась военная школа. Еще Фридрих II после окончания Семилет-

ней войны, чтобы несколько поднять образовательный уровень своих офицеров, почти сплошь получивших «общее образование дома, а военное – на службе», то есть не окончивших никакой школы, установил в 1763 году в важнейших гарнизонных городах «институты молодых офицеров», в них собиралось некоторое количество офицеров на зиму для изучения общеобразовательных и военных предметов без какой-либо твердой программы. Такой институт в Берлине к 1801 году обратился в двухлетнюю офицерскую школу, влачившую, впрочем, жалкое существование.

Шарнхорст решил реформировать институт, разбив его на две части: первая должна была представлять как бы подготовительный факультет, а вторая, для уже подготовленных слушателей, Военную академию, которая в течение трех лет давала бы законченное высшее образование. Сам Шарнхорст стал фактическим директором этой военной школы. Свою реформу ему удалось осуществить только к 1804 году.

В 1806 году, после йенской катастрофы, военная академия также распалась. Но та полуакадемия, которую застал Шарнхорст в 1801 году, сразу зажила подлинной научной жизнью. Программа резко изменилась. В 1803 году в ней читались лекции по стратегии – Пфулем и самим Шарнхорстом. Изучение военной истории и работа слушателей над решением конкретных тактических задач, прикладной метод, ныне признанный повсюду, были выдвинуты на первый план. И Шарнхорст мог быть доволен результатом подготов-

ки своего выпуска: из двух десятков его учеников девять человек попали по конкурсу в Генеральный штаб, а пять других заняли более или менее ответственные посты в армии. Первым в этом выпуске, на который Шарнхорст не пожалел своих трудов, стоял Клаузевиц. Единомышленники, друзья и наследники подрастали...

Однако в 1806 году, когда Шарнхорст был призван на должность начальника штаба главнокомандующего, авторитет его стоял еще невысоко, и много сделать ему не удалось. Раненный в сражении под Ауэрштедтом, он продолжал работать в качестве начальника штаба Блюхера, командовавшего арьергардом гибнувшей прусской армии. Взятый в плен вместе с остатками арьергарда, Шарнхорст был выменен пруссаками на пленного французского полковника. Во время этих боев репутация его настолько поднялась, что прусские генералы чуть не дрались, чтобы получить Шарнхорста в начальники штаба. Блюхер категорически заявил: «Без Шарнхорста я ни к чему не способен».

После заключения Тильзитского мира Шарнхорст был поставлен во главе комиссии военной реформы и фактически стал прусским военным министром. Он вел борьбу с феодальными пережитками в армии, установил короткие сроки военной службы, скрыто подготовил запас военнообученных, провел в 1813 году всеобщую воинскую повинность, организовал ландвер и создал армию, близкую к буржуазному идеалу «вооруженного народа». Но ему не удалось закончить

начатую им работу в области перестройки военной теории, унаследованной от эпохи феодализма и абсолютизма; эту работу блестяще продолжал преданнейший его ученик – Клаузевиц, который считал себя наследником и завершителем теоретической части жизненного творчества Шарнхорста.

Ученичество

Предки Клаузевицей (Клаусвицей) происходили будто бы из Польши. Они переселились в Пруссию в XVII веке, принадлежали к буржуазной интеллигенции и поставляли Пруссии в значительном числе пасторов, а также преподавателей богословия и чиновников невысокого ранга.

Бабушка Клаузевица вторым браком вышла замуж за штабс-капитана пехотного полка фон Хунда. Это обстоятельство определило жизненный путь отца Карла Клаузевица. Вместо того чтобы по семейной традиции поступить на богословский факультет, девятнадцатилетний Фридрих Клаусвиц в 1759 году, в разгар Семилетней войны, был определен юнкером в захудалый гарнизонный полк.

Военная карьера для недворянина в то время представляла большие трудности. В первой половине века происхождение на военной службе еще не играло решающую роль. Лихой вождь кавалерии великого курфюрста Пруссии, генерал-фельдмаршал Дерфлингер (1606—1695), в честь которого в 1912 году был назван лучший линейный крейсер германского флота, был сыном бедняка-крестьянина и начал свою жизненную карьеру, как гласит историческая традиция, в роли портновского подмастерья. Но повсюду в Европе, как только королевская власть становилась абсолютной, она расплачивалась с феодалами за лишение их части фе-

одальных прав предоставлением им монополии на офицерские должности. Этот порядок твердо установился в Пруссии в начале века.

Конечно, при расширении армии чистота принципа страдала. Фридрих II был вынужден допускать бюргеров в заурядные части гарнизонной пехоты и в презираемую им артиллерию. Особенно малоразборчивым приходилось быть во время Семилетней войны, требовавшей большого напряжения. К концу войны Фридриху II приходилось даже зазывать буржуазию в армию. Сохранился эдикт 1762 года, в котором прусский король, указывая на разорение дворянства, особенно страдавшего от отсутствия покупателей на имения, обещал дворянство каждому пристойному бюргеру, который купит дворянское имение и выберет для одного из своих сыновей офицерскую карьеру.

Ввиду этих временных облегчений для бюргеров Фридрих Клаусвиц был произведен в 1760 году в прапорщики, а затем переведен из гарнизонной пехоты в полевой полк на пополнение убыли. Он участвовал в двух походах Семилетней войны, но из его послужного списка отнюдь не видно, чтобы он был ранен, как это утверждает семейная легенда. Все же он являлся «вспомогательным», а не кадровым офицером; он был своего рода прапорщиком военного времени XVIII века. В 1764 году он даже был произведен в подпоручики, но сейчас же после войны встал вопрос об удалении из армии офицеров недворянского происхождения. Де-

мобилизация Фридриха Клаусвица встречала затруднения, так как у него не было никаких средств и надо было приискать ему маленькую гражданскую должность. Таковая нашлась к 1767 году, и подпоручик Фридрих Клаусвиц стал на протяжении всей дальнейшей жизни сборщиком акциза в местечке Бург близ Магдебурга, с содержанием 300 талеров в год.

Скоро он оказался обремененным большой семьей. Первого июля 1780 года родился четвертый его сын – Карл, будущий знаменитый военный теоретик. Отец, несмотря на свою бедность, тянулся, стараясь поддерживать знакомство с офицерами, изменил свою фамилию вставкой буквы «е», так что она читалась – Клаузевиц. Таким образом он стал однофамильцем силезской дворянской семьи¹. Он любил вспоминать героические походы Семилетней войны, говорить о несуществующем ранении и о затруднениях в розыске бумаг, доказывающих его дворянское происхождение... А образование детей приходилось ограничивать одной начальной городской школой. Однако знакомство с офицерами и разыгрываемая им роль ветерана Семилетней войны позволили пристроить трех сыновей юнкерами в пехотные полки. Все трое стали потом генералами.

Для поступления в юнкера, которые являлись унтер-офи-

---

¹ Клаузевиц – старинная немецкая дворянская фамилия, ее носила семья силезских помещиков. Но она не имела ничего общего с предками знаменитого военного философа.

церами, носившими знамя, и кандидатами в офицеры, не существовало никаких ограничений в отношении возраста или образования. Зачисление на военную службу детей началось в ту эпоху, когда дворянство еще неохотно шло на военную службу. Отцу Фридриха II еще приходилось посылать полицейские команды, чтобы отбирать насильно у помещиков их сыновей и сдавать их «кадетами» в образцовые части. Такая же ловля дворянских «недорослей» происходила в XVIII веке и в России.

Возможность такого зачисления детей в армию сохранилась и в последующие годы, так как она представляла большие удобства для феодалов. Последние часто «записывали» своих сыновей в полки в самом раннем детстве. Военная служба для них протекала вначале чисто номинально, а к тому времени, когда дворянчик действительно показывался в армию, ему по бумагам зачитывался значительный служебный стаж, и успевали набежать чины.

Для отца Клаузевица вопрос складывался иначе. В нищенском бюджете семьи каждый лишний рот был на счету. Поэтому, как только Карлу пошел двенадцатый год и мальчик усвоил начальную грамоту, отец отвез его в Потсдам и сдал в полк на военную службу. Связь с семьей оборвалась очень рано, и семья не оставила у Клаузевица никаких воспоминаний. Он никогда не говорил ни об отце, ни о матери. Братья, ранее его поступившие на военную службу, иногда сталкивались с ним, у него к ним были кое-какие родствен-

ные чувства; но это были типичные грубоватые, преуспевающие прусские офицеры, и даже когда они стали генералами, Клаузевиц стеснялся показывать их своим знакомым.

Старая потсдамская казарма, в которую попал оторванный от семьи ребенком Клаузевиц, производила подавляющее впечатление. Приезжая в Потсдам потом, в конце своей жизни, Клаузевиц каждый раз испытывал дрожь и переживал тяжелые минуты, «В Потсдаме я всегда чувствовал себя чуждым и одиноким». Для Клаузевица военная служба в детском возрасте являлась отнюдь не синекурой.

Ему пошел только тринадцатый год, когда полк выступил на войну с Францией. Юнкер Клаузевиц должен был нести в походе знамя. Физическим развитием он никогда особенно не отличался. Во время больших переходов вместо выбивавшегося из сил заморенного мальчика знамя нес солдат; только когда проходили через селение или город, Клаузевиц с трудом клал знамя на свое плечо. В серьезных боях Клаузевицу не пришлось принять участия. Его полк был назначен в 1793 году для осады занятого французами и ставшего революционным центром Западной Германии Майнца. Война содействовала более быстрому прохождению начального стажа, К моменту сдачи Майнца Клаузевиц был произведен в прапорщики, а через два года, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет, – в подпоручики.

По своему развитию в эту эпоху Клаузевиц представлял собой нормального прусского офицера, пожалуй, стоявшего

вследствие малой грамотности даже несколько ниже общего уровня. Его «пруссский» кругозор был крайне узок, и он, как и вся офицерская молодежь, полагал, что трещащая по всем швам при столкновении с французскими революционными войсками прусская армия старого порядка представляет чудо совершенства. Это был обыватель с непроснувшимся сознанием, во власти предрассудков старой эпохи. После производства в подпоручики он начал подписывать свою фамилию «фон Клаузевиц». Через десять лет, в декабре 1806 года, чтобы не ввести в заблуждение девушку, на которой он хотел жениться, он писал ей: «Мое дворянство такого рода, что надо быть ежеминутно готовым отстаивать его со шпагой в руке». При этом, однако, он просил не смотреть на него как на узурпатора, присвоившего не принадлежащее ему звание: он и его брат служили в полку, в котором все офицеры были исключительно дворяне; по рассказам отца, Клаузевиц и его брат составили себе твердое представление, что они дворяне и что дед лишь позабыл выправить какие-то бумаги. Все товарищи считали их дворянами, они и стали прибавлять частицу «фон» к своей фамилии.

В действительности Клаузевиц и оба его брата получили дворянство только под конец жизни, по указу 1825 года. От товарищей Клаузевиц отличался лишь отсутствием кастовой ограниченности. Подлинные дворяне являлись наследниками и продолжателями помещичьих и юнкерских традиций, державших их как бы в шорах. А Клаузевица не связывали

никакие традиции; нить, тянувшаяся к нему от буржуазии, оборвалась, а среди дворян он являлся чужаком.

К религии Клаузевиц проявлял полную индифферентность. Впоследствии, когда личность Шарнхорста уже наложила на Клаузевица свой отпечаток, его позиция по отношению к религии характеризуется следующими замечаниями: «Религия не должна отвращать наши взоры от мира, в котором мы живем»; «ни одна позитивная религия не может существовать вечно»; «большое неверие – моя главная добродетель или мой основной недостаток».

В 1795 году Пруссия заключила мир с Францией, и боевая карьера Клаузевица оборвалась. «Созерцание без мышления, – говорил Гете, – утомляет». Поэтому единственное сильное впечатление, вынесенное Клаузевицем из революционных войн, относится к моменту возвращения из района военных действий: «Нет ничего более интересного, чем момент, когда выходишь из крутых гор и перед тобой разворачивается плодородная, хорошо обработанная равнина со всеми своими богатствами. Я вспоминаю всегда с удовольствием картину, которая открылась передо мной, когда прусская армия покинула Вогезы. Мы провели шесть месяцев в суровых лесистых горах, бедных и меланхоличных. После тяжелого марша мы вдруг оказались на последнем отроге Вогезов, и перед нами внизу развернулась роскошная долина Рейна, между Ландау и Вормсом. В этот момент мне показалось, что жизнь, раньше серьезная и мрачная, становится

милой и предстоит переход от слез к улыбке. Часто впоследствии я надеялся пережить еще раз такой момент. Но для этого требуется не только такая же картина, но и повторение тех же условий, в которых я тогда находился; тогда мои впечатления получили бы ту же силу и новизну».

Несколько месяцев полк Клаузевица провел на отдыхе, широко разбросавшись по деревням, и наш герой со своим взводом прожил их в одиноком крестьянском хуторе. Затем он попал в небольшой городок Ней-Руппин. «Находясь в маленьком гарнизоне, окруженный прозаическими явлениями и имея дело только с будничными людьми, я выделялся от лучшей части моих товарищей, то есть от весьма обыденных людей, разве лишь несколько большей склонностью к мышлению, к литературе и военным честолюбием, единственным пережитком ранних порывов». Клаузевиц сознавал, что он не может, как его товарищи, рассчитывать на помощь своих родителей, пустивших его в свободное плавание по жизненному морю, и что надо полагаться лишь на собственные силы, чтобы проложить себе дорогу.

Революционная эпоха, в которую Клаузевиц жил, крупные исторические события, свидетелем которых он являлся, заставляли его мечтать о том, чтобы сыграть в жизни крупную роль и прославиться. В 1807 году он писал невесте: «Мое вступление в жизнь произошло на театре больших событий, где решалась судьба народов, и мой взор тянулся не к храму, в котором домашний уют торжествует свое тихое счастье,

а к триумфальной арке, под которой следует победитель, когда свежий лавровый венок украсит его пылающее чело».

Сведения о шести годах, которые провел Клаузевиц в полку после окончания военных действий, крайне скудны. Он не любил вспоминать тяжелые моменты своей юности. Командир полка был просвещенный человек, устроивший ремесленную школу для солдатских детей и подготовительную школу для кандидатов в офицеры. Но Клаузевиц уже перерос те знания, которые здесь можно было почерпнуть. Нет сомнения, что он упорно занимался самообразованием и изучал начальную математику и французский язык.

Из военных писателей Клаузевиц отдавал предпочтение одному из первых писателей по стратегии – Бюлову, на творчестве которого уже сказалось влияние революции. Впоследствии он его безжалостно разгромил.

В то время прусские офицеры зачитывались походами Фридриха II, являвшегося предметом их безграничного восхищения. Клаузевиц также прочел историю Фридриха II и некоторые его труды. Однако у Клаузевица нет и следов восхищения. По отношению к Фридриху II у Клаузевица всегда проявлялась трезвая оценка; более всего он ценил в нем готовность идти на риск, соединенную с мудрой сдержанностью в постановке цели, в соответствии с его скудными средствами.

Очевидно, уже в эту эпоху у Клаузевица выработалось его в высшей степени сдержанное отношение к новым людям,

идеям, явлениям. Отсутствие детства, одиночество, окружение чуждого ему дворянства, несколько фальшивое положение вызывали в нем большую замкнутость и величайший скептицизм, потребность хорошо осмотреться и продумать пережитое с разных сторон, прежде чем высказаться или отдалиться своим впечатлениям. Он дичился не только новых людей, но и новых идей. Эта внешняя сдержанность маскировала внутреннее кипение, страстность, готовность идти на любые жертвы. Но мышление и чувства Клаузевица еще не были ориентированы. Любимым его поэтом был Шиллер. В маленьком гарнизоне не с кем было посоветоваться, было не много книг, не было учителей, интеллигентных людей, с которыми можно было бы побеседовать. В этих условиях достичь многого было невозможно. Умственный рост Клаузевица задерживался. Все же в 1801 году ему удалось выдержать приемный экзамен в Берлинскую офицерскую школу.

На первых порах Клаузевицу пришлось нелегко: он выбивался из сил, но не справлялся с заданиями. Учиться было трудно; жизнь в Берлине стоила дороже, чем в маленьком гарнизоне, и в бюджете образовался чувствительный прорыв. Возможности приработка к жалованью были ничтожны. Чтобы покрыть самые неотложные расходы, Клаузевиц за плату нес караульные наряды вместо состоятельных сверстников по офицерской школе. Это было связано с горькими минутами. Он научился молчать. Среди сверстников даже ходил слух, что он в одиночестве по-фельдфебельски «пьет

горькую». Клаузевиц уже собирался бросить учение и возвратиться в свой гарнизон.

В критическую минуту, когда он начал докладывать директору школы Шарнхорсту о том, что не справляется с требованиями и уходит, ему улыбнулось счастье.

В лице Шарнхорста ему повстречался умный и отзывчивый наставник, который заинтересовался учеником и, несмотря на недостатки общей подготовки, открыл в нем крупные способности; больше всего, как видно из выпускной аттестации Клаузевица, Шарнхорсту бросился в глаза его «редкий талант давать явлениям верную оценку в целом». Он был озабочен тем, чтобы создать школу, чтобы растить и выдвигать людей, которые закончили бы начатое им дело. Проблески таланта в Клаузевице прельстили Шарнхорста. Рассчитывать провести в жизнь свои взгляды без широкой апелляции к общественности Шарнхорст не мог. Ему требовался выдающийся литературный сотрудник и преданный работник в предстоявшей борьбе. Клаузевиц вполне подходил к такой роли.

Шарнхорст сумел вдохнуть в Клаузевица веру в собственные силы, занялся им и крепко к нему привязался. Клаузевиц стал его баловнем и другом. У Шарнхорста со временем появилось много друзей среди единомышленников по военной реформе, но все они признавали привилегированное положение Клаузевица. Последний с удивительной понятливостью схватывал новые мысли Шарнхорста, отделял

их от пережитков старого и преподносил Шарнхорсту в таком ясном истолковании и чеканной формулировке, которая умиляла наставника. «Только с вами я вполне понимаю себя, наши идеи постоянно совпадают или спокойно следуют рядом в неизменном направлении», – писал Шарнхорст своему ученику.

Учение в этих условиях стало даваться Клаузевицу очень легко. Поглощая мудрость Шарнхорста, Клаузевиц развивался с необычайной быстротой. Как и другие слушатели офицерской школы, Клаузевиц ходил в медицинскую академию слушать лекции Кизеветтера, философа второго ранга, популяризовавшего в Берлине учение Канта. Лекции Кизеветтера в 1801 году были посвящены морали, в 1802 году – эстетике.

Лекции Кизеветтера по философии имели для Клаузевица лишь общеобразовательное значение – такой же умственной тренировки, какой в молодости является изучение математики. Во всяком случае не может быть и речи о влиянии на Клаузевица элементов кантовской философии морали, права и государства. Попытки идти по скользкому пути от философии к политике вообще отрицались Клаузевицем.

Тезис о решающем влиянии Канта на Клаузевица яснее всего опровергается взглядами Клаузевица на источники энергии полководца и командира. Напрасно мы будем искать здесь у Клаузевица хотя бы малейший намек на кантовский «категорический императив». На первом месте у Кла-

узевица не сознание долга, а жажда славы и чести, обращающая общий успех как бы в личную собственность вождя. «Человек, и прежде всего полководец, в практической работе никогда не может являться только автоматом, выполняющим свой долг. Возложенный долг, поставленная задача должны обрести в его личном благородном стремлении тот поток сил, который позволит их осуществить». Выступая на войну 1806 года, Клаузевиц думал далеко не об одном абстрактном исполнении своего долга: «Война требуется моему отечеству, и, говоря откровенно, только война может привести меня к достижению счастливой цели». Подвигами на поле сражения Клаузевиц собирался преодолеть препятствия, стоявшие на пути к браку с любимой девушкой. На поле сражения Клаузевиц в критические минуты твердил себе не о долге, а слова: «Дело идет о чести, дело идет о Марии». Это противопоставление личных чувств кантовскому императиву чрезвычайно характерно для Клаузевица.

Всегда сдержанный, Клаузевиц относился с беззаветным увлечением лишь к одному Шарнхорсту, «отцу своего разума». У Клаузевица в лице Шарнхорста был в высшей степени разумный наставник. Но, конечно, ни один ученик не повторяет целиком своего учителя. Исторические сдвиги с каждой сменой поколений весьма заметны. Слова получают новый смысл.

Шарнхорст был на двадцать пять лет старше Клаузевица; он принадлежал к тому поколению, которое сознательно пе-

режило подготовку, назревание и начало Французской революции. Отсюда в политике Шарнхорст прежде всего видел борьбу отдельных социальных групп, социальные сдвиги, вопросы внутренней политики. Сознание же поколения Клаузевица пробудилось к тому моменту, когда революция отошла на второй план, а на первый план выступил Наполеон с его завоевательной политикой подчинения своему господству всей Европы.

Политику Клаузевиц понимал прежде всего как внешнюю политику. Клаузевиц принадлежит уже полностью началу XIX века, он совершенно свободен от механистического материализма, при господстве которого начался рост Шарнхорста. Притом Клаузевиц в жизни оказался неудачником. Мы увидим, как все мечты его о том, чтобы приложить на практике свои силы, оказались разбитыми. Судьба заставила Клаузевица обособиться и уйти в военную теорию, в которой именно – а не в практике – проявилась его гениальность. Но эта отрезанность Клаузевица от практики, эта специализация на теоретической части наследства Шарнхорста привели его к тому, что он придавал малое значение материальной и технической стороне военного дела. Атмосфера реакции, в которой пришлось писать Клаузевицу, также не способствовала революционному внедрению в материальные основы военного дела. В результате Клаузевиц оказался гениальным теоретиком, гордящимся своим умственным родством с Шарнхорстом, но вполне оригинальным.

В 1803 году Клаузевиц, прекрасно сдав все работы, окончил школу и, по рекомендации Шарнхорста, был назначен адъютантом к племяннику Фридриха II, принцу Августу, молодому человеку, любившему весело пожить и нуждавшемуся в умном секретаре, так как сам он, по характеристике, данной ему Наполеоном в 1811 году, был ветрогоном (*sans boussole et sans tête*). Эта должность не помешала Клаузевицу энергично продолжать работу над собой. На дворцовых приемах появилась фигура молодого, всегда молчаливого офицера. Клаузевиц при этом принимал энергичное участие в трудах Военно-научного общества, основанного Шарнхорстом.

В 1805 году в журнале «Новая Беллона» была напечатана первая значительная литературная работа Клаузевица «Замечания о чистой и прикладной стратегии господина фон Бюлова, или Критика содержащихся в ней взглядов». Эта статья, как и все, что при жизни печатал Клаузевиц, не была подписана им. Литературная работа не была тогда окружена ореолом почета. В противоположность периоду конца века журналы того времени были сплошь переполнены статьями анонимов. У Клаузевица были особые соображения не выставлять своего имени, но большинство офицеров боялось уронить свое достоинство, став литераторами.

Статья поражает нас своей законченностью и зрелостью. Она ставит крупнейшие проблемы, которые Клаузевиц берет в будущем разрешить, и содержит несколько важней-

ших положений его теории. Двадцатипятилетний автор, с запущенным в молодости образованием, выступает перед нами как философ, пытливо исследовавший коренные вопросы! Зрелость статьи объясняется тем, что она близка к дошедшему до нас наброску лекций Шарнхорста на ту же тему. Сохранились черновики этой статьи Клаузевица, уже полностью повторяющие мысли Шарнхорста. Появившаяся в печати статья разнится от черновика стилем, чрезвычайно красочным, пропитана иронией и является выдающейся по остроте полемики. Шарнхорст относился к Бюлову несравненно мягче. До Шарнхорста Бюлов держал мышление Клаузевица в плену своих геометрических построений; теперь «друг военного детства» получал реванш от переросшего его поклонника. В остальном же эта «программная», по мнению многих, статья Клаузевица представляет последний его ученический труд. Творчество Клаузевица началось уже за этим порогом.

Бюлов как военный теоретик – материалист XVIII века со всеми свойственными метафизическому мировоззрению недостатками, но ему принадлежит и передовая мысль, что политика относится к стратегии так, как стратегия относится к тактике, и что первенство всюду принадлежит политике. Бюлов так же, как и Шарнхорст, учился у Жан-Жака Руссо. Но он пошел другим путем. Это был выходец из подлинной феодальной аристократии, погружившийся в богему, человек, подписывавший свои статьи полным именем и жив-

ший на нищенский литературный заработок, хотя его книги волновали всю Европу. Можно ли поставить ему в упрек, что не все у него было продумано, и наряду с гениальными откровениями встречались противоречия и просто газетная шелуха.

Бюлов был военный теоретик, своеобразный по сути своей антимилитарист. Он издевался над прусской династией Гогенцоллернов. За ним охотились все правительства Европы; высланный за революционность из Франции Наполеоном, которому он поклонялся, Бюлов был арестован в Пруссии, по требованию русского императора Александра I, за насмешки над походом к Аустерлицу и умер зимой на пути в Ригу под конвоем казаков, одетый в летний костюм... Это был человек, предостерегавший Пруссию накануне 1806 года о грозящей ей катастрофе, о том, что Наполеон, располагающий силами революции, без труда раздавит пережившую себя монархию старого порядка...

У Шарнхорста, несомненно, были основания подходить с исключительно деловой критикой к трудам Бюлова, не щадившего феодальных пережитков Пруссии. Клаузевиц же перешел в атаку со всей страстностью новоявленного военного философа.

В Бюлове было много парадоксального. По меткому замечанию эрцгерцога Карла, труды Бюлова напоминают грозу, которая дает ослепительную вспышку молнии в соединении с тьмой и бесполезным грохотом. Поклонник Наполео-

на, французской техники и новых начал организации армии, созданных Французской революцией, Бюлов является одним из первых теоретиков стратегии. Но новые формы наполеоновской стратегии Бюлов различить не сумел, и его стратегия полностью относилась к отошедшему уже в прошлое XVIII веку.

В то самое время, когда армии фактически перешли на довольствие местными средствами, Бюлов выдвинул линию подвоза продовольствия по коммуникационной линии с базы как элемент, всецело определяющий операцию. Стратегия Бюлова получила геометрическое оформление. Увлечение геометрией приводило к решительному подчеркиванию значения маневрирования – воздействия на неприятельские сообщения, занятия фланговых позиций, эксцентрического отступления, чтобы противник не мог погнаться за одной частью армии, не подставив свои тылы под удары другой части. Перевес значения маневра создавался Бюловым в ущерб значению боя. Не результаты сражений, а воздействие ученого маневрирования должно было определить исход войны.

Успехи цивилизаций, по мнению Бюлова, должны привести к торжеству бескровных форм войны. Ульмская операция 1805 года, в которой Наполеон заставил без крупного сражения капитулировать австрийскую армию Мака, привела Бюлова к выводу: «В наши дни сражения больше даваться не будут». Сводя всю стратегию к данным, которые заранее могли быть исчислены и подытожены – а механистический

материализм XVIII века уделял внимание только таким, допускающим измерение данным, – Бюлов приходил к выводу, что вскоре и войны явятся бесполезным занятием ввиду возможности заранее надежно рассчитать результаты столкновения двух государств. В том, чтобы изгнать войну как средство разрешения споров между государствами, Бюлов и усматривал основную задачу теории военного искусства.

Учение Шарнхорста, конечно, было далеко от подобных утопий. Шарнхорст в 1806 году писал: «Мы начинаем ценить военное искусство выше военных качеств, что во все времена вело народы к гибели. Храбрость, самопожертвование, стойкость являются основными устоями независимости народа, и если наши сердца перестают для них биться, то мы уже кончены, хотя бы только что одержали большую победу». Для Клаузевица, при отсутствии боев, нет и стратегии, так как стихия последней – борьба. Моральные силы для Клаузевица стоят в центре внимания. «Стратегия занимается не только величинами, поддающимися математическому расчету. О нет! Область военного искусства распространяется и на все моральные явления, в которых человеческий разум может раскрыть пригодные для войны вспомогательные средства».

Вслед за Шарнхорстом Клаузевиц бракует бюловское, чисто механическое разграничение стратегии и тактики: по Бюлову, стратегия – наука о военных передвижениях вне поля зрения противника, а тактика – в пределах последнего.

Однако собственное определение стратегии Клаузевиц оказался в силах дать только через шесть лет. Относительно выдвигаемой Бюловом схемы наступления и обороны Клаузевиц говорит, что форма наступления и обороны – только один из факторов чрезвычайно сложного целого; эта форма должна находиться в строгой логической связи со всеми конкретными особенностями данного случая и может поэтому подлежать самым различным изменениям.

Страстная резкость выступлений, беспощадные, уничтожающие характеристики вообще свойственны Клаузевицу. Но в данной полемике у Клаузевица звучали ноты личных нападок на Бюлова. По отношению к прусскому государству Клаузевиц никогда не занимал революционной позиции.

Роман стратега

Пруссия прекратила участие в войнах первой коалиции против революционной Франции в 1794 году.

Двенадцать лет прусская армия оставалась в стороне от начавшегося стремительного развития военного искусства. Прусские офицеры, правда, командировались в Южную Германию для изучения французских войск. Но они производили свои оценки исключительно с точки зрения достижений муштровки, в которой пруссаки, бесспорно, занимали первое место. Поэтому они приходили к выводу, что прусские войска легко справятся с более многочисленной (в полтора раза) французской армией: достаточно перейти в решительную атаку – и французы окажутся теми самыми солдатами, которые под Россбахом без оглядки бежали перед Фридрихом II.

Прусский король всему этому плохо верил. Но его попытки реформировать армию по французскому образцу встретили сопротивление авторитетных стариков-генералов, являвшихся сподвижниками еще Фридриха II. Эти пережившие себя люди утверждали, что всякое заимствование у французов несовместимо с «духом прусской армии». Король, неуверенный в добротности своих войск, вынужден был держаться мирной политики и упустил благоприятный момент примкнуть в 1805 году к новой коалиции Австрии

и России, вступившей в войну с Наполеоном. Прусское правительство стремилось к захвату Ганновера, но оно рассчитывало добиться этой цели, занимая роль арбитра между воюющими, как вознаграждения за свой нейтралитет.

Наполеон прекрасно разгадал прусскую политику. В начале 1806 года он согласился, чтобы Пруссия оккупировала Ганновер при условии выступления против Швеции и Англии, и поссорил на этом деле прусского короля с Англией. А затем Наполеон начал переговоры с Англией и предложил ей, как условие мира, вернуть Ганновер, изгнав оттуда прусские войска. Прусский король в августе 1806 года почувствовал себя пойманным на удочку и решился на войну с Наполеоном в очень неудачный момент, когда единственный союзник, на которого он мог рассчитывать, — Россия — не был готов к немедленной поддержке прусской армии. Война в этих условиях была выгодна для Наполеона.

В Пруссии партия войны с Наполеоном состояла из весьма различных элементов. Для Шарнхорста и его друзей на первом плане были не прусские интересы, а интересы объединения Германии, сознание коих заставляло их протестовать против хозяйничанья Наполеона в Южной и Западной Германии. Но решающую роль играли юнкера, являвшиеся принципиальными противниками Французской революции, и прусские принцы, рассчитывавшие на возвышение Пруссии в результате победы над Наполеоном. Клаузевиц как немецкий патриот был страстным сторонником войны,

которую он считал освободительной. Широкие массы оставались равнодушными к вопросам внешней политики.

Идеологическая подготовка велась при помощи России. Писатель Генц был взят Александром I на агитационную работу. Весной 1806 года в Петербурге были отпечатаны вторым изданием его «Фрагменты новейшей истории политического равновесия в Европе», классический по мощности стиля и ядовитости мысли пропагандистский труд. Понятие политического равновесия перековывалось Генцем в наступательное оружие. Идея прусского нейтралитета толковалась Генцем как измена европейской цивилизации. Если сам Генц был доволен предисловием к своим «Фрагментам», которое, по его словам, «могло камень сдвинуть с места», то Клаузевиц был от него в полном восхищении. «Это предисловие, как присягу, надо заставить читать всех немцев ежемесячно; в головы же наших министров эти «Фрагменты» надо вбивать палками», – писал Клаузевиц.

Незадолго до начала войны прусский король разогнал по провинциальным городам вождей партии войны, представивших ему петицию о смене головки Министерства иностранных дел. С началом мобилизации они получили частичный доступ к браздам правления. Шарнхорст получил пост начальника штаба главнокомандующего, герцога Брауншвейгского, но часть прусской армии была выделена под команду принца Гогенлоэ, имевшего свою главную квартиру и во всем несогласного с главнокомандующим. Чтобы их

мирить, за армией следовал прусский король с третьим штабом, не имевшим определенных занятий. Споры и совещания не прекращались.

В этой какофонии принцы и влиятельные генералы также стремились подать свой голос. Адьютант принца Августа, Клаузевиц, накануне разгрома также подавал через своего начальника архидерзкий проект переправы на глазах армии Наполеона через реку Заалу, которая течет в глубоко врезанной долине. Он не считался с тем, что, атакуя французов на закрытом и пересеченном правом берегу, прусский линейный порядок оказался бы совершенно бессильным против французских стрелков. Зато Клаузевиц выдвигал соблазнительную, но совершенно нереальную цель – прижать Наполеона к австрийской границе и заставить его капитулировать...

В течение этой кампании мы не заметим у Клаузевица и следа столь характерной для него впоследствии трезвости мысли. Могли ли люди, агитировавшие и боровшиеся за войну, выступить с благоразумным планом выжидания за рекой Эльбой подхода русских подкреплений, что означало бы уступку Наполеону без боя доброй трети прусской территории? Могли ли люди, стремившиеся к объединению Германии, отказаться от попытки увлечь наступлением другие германские государства – Саксонию, Гессен, Веймар? Прусский король, попавшийся на провокацию Наполеона, вступил в войну в невыгодных политических и стратегических

условиях, а неопытные стратеги продолжали ошибочную линию политики. Осенью 1806 года зрелого понимания требований стратегии не было нигде: некоторые злобные, тупые консерваторы, как Кнезебек, враждебно относившиеся к войне с Наполеоном, высказывали мысль об обороне за Эльбой, а передовые и глубокие умы – Шарнхорст и Клаузевиц – стояли за гибельный наступательный план. Клаузевиц, исходя из ошибочных предпосылок, пришел к наиболее ошибочному плану. Широкие цели и наступление, по мнению Клаузевица, должны были являться душой этой войны.

Однако никаких материальных предпосылок для наступления не было. Состояние отсталой армии феодальной Пруссии уже исключало возможность рассчитывать на победу над передовой армией буржуазной Франции, уничтожившей путы Средневековья.

К этому времени относится начало романа Клаузевица и Марии Брюль, тесно переплетавшееся с участием Клаузевица в катастрофической для Пруссии войне 1806 года. Влияние Марии Брюль на молодого Клаузевица было значительно. Оно объясняет отчасти то состояние экзальтации, в котором он тогда находился. Мария отнюдь не напоминала малокультурных жен и дочерей прусских юнкеров начала XIX века. Она получила несравненно более утонченное образование, чем Клаузевиц.

Великолепные постройки Дрездена, в том числе знаменитая Брюлевская терраса, являются памятником большого

художественного вкуса и архитектурного размаха деда Марии графа Генриха Брюля, всемогущего саксонско-польского министра при Августе III. На отце Марии, Карле Адольфе Брюле, лежит отпечаток утонченного придворного космополитизма XVIII века. Он выполнял дипломатические поручения в Петербурге, Варшаве, Париже, являлся генералом саксонской армии, а с гибелью ее в первые месяцы Семилетней войны продолжал сражаться против Пруссии в рядах французской армии. Он был женат на англичанке, и в 1787 году принял пост воспитателя будущего короля Пруссии Фридриха Вильгельма III. Предложение этого поста генералу враждебной коалиции вызвало известное недоумение и недовольство в юнкерских кругах; оно объясняется репутацией Карла Адольфа Брюля как самого образованного и воспитанного немца из военной среды. После его смерти в 1802 году остались жена, сын и две дочери почти без всяких средств, но с крупными связями в Берлине. Дети успели получить выдающееся образование. Сын сражался против Наполеона в рядах прусской и австрийской армии, а впоследствии стоял во главе прусских музеев. Младшая дочь рано вышла замуж и через год, при рождении дочери, умерла. Старшая дочь, родившаяся в Варшаве в 1779 году, была Мария.

Ее мать, дочь английского консула в Петербурге, урожденная София Гом, была пропитана английским уважением к традициям, консерватизмом. Проведя всю жизнь на чужбине – в России, Польше, Саксонии, Пруссии – и будучи за-

мужем за придворным космополитом, София Брюль в политическом отношении всегда оставалась верной дочерью консервативной Англии. Ее бедный вдовый салон в Берлине отличался строгими нравами и считался главным центром английской ориентации. Боровшаяся с Наполеоном Англия располагала в лице графини Софии Брюль бесплатной агентурой в Берлине. Здесь за скромной чашкой чая собирались такие непреклонные враги Наполеона, как генералы Штейн и Гнейзенау, прусские принцессы – бывшая королева Нидерландов, от которой кружок получил кличку оранжистов (династия Оранских), бывшая герцогиня Гессенская, – выгнанные Французской революцией и Наполеоном из их владений. В воспоминаниях ее племянницы Роховой этот салон описывается так: «Она и ее дочь, Мария Брюль, известная превосходным образованием в художественном и эстетическом отношениях, жили только политикой и ненавистью к французам... С представителями оранжистской породы я познакомилась у графини Брюль, у которой собирался кружок, живший исключительно ненавистью к Наполеону, надеждами на Англию и короткими сообщениями, дававшими пищу их расpalенным взглядам. Как-то перед окнами графини Брюль Наполеон принимал парад. В квартире, конечно, на всех окнах занавеси были опущены. Один из присутствующих, никогда не видевший Наполеона, не утерпел и отодвинул край занавески. Немедленно же он был предан анафеме...»

Мария не являлась такой выдающейся красавицей, как ее младшая сестра, но по всем отзывам это была очень образованная девушка, серьезная и уравновешенная. Она приехала в Берлин восьмилетней девочкой. Ближайшей ее подругой была англичанка Маргарита Броун, дочь королевского врача, уехавшая в 1802 году на родину. Таким образом, по своему рождению и воспитанию Мария на добрую половину являлась тоже англичанкой, что втягивало и Клаузевица в русло английской ориентации. Это сказывалось и во враждебном отношении к наполеоновской Франции, и в преклонении Клаузевица перед английской парламентской системой.

Мария была тесно связана с женской частью прусской королевской семьи. Но и в кругах немецкой буржуазии она пользовалась наилучшей репутацией. Гнейзенау летом 1811 года так рекомендовал Марию, отправлявшуюся в Силезию, где она должна была навестить его жену: «У нее, кроме чрезвычайно культивированного ума, величайшая сердечная доброта и чрезвычайно приятное утонченное обращение с людьми. Здесь в Берлине она является одной из наших образцовых женщин и очень мало отвечает представлению, которое в ваших краях обычно имеют о берлинках. Я надеюсь, что ты ее хорошо примешь и дружески пойдешь ей навстречу. Помни, что ее суждение о тебе явится для Берлина определяющим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.